

Георгий Бурков

«У меня нет Родины, ибо у раба ее не может быть...»

Мне кажется, что Георгия Буркова любили (а его любили если не все, то абсолютное большинство публики) кроме прочего за то, что он являл собой тип русского артиста XIX века. Причем не «артиста Императорских театров», угощающего в соборах и бенефициах, а странствующего из Вологды в Керчь героя Островского или Чехова. Тип, казалось бы, в XX веке почти совершенно исчезнувший из русской жизни.

Но теперь выясняется (увы, как и положено в типовой русской драме, слишком поздно), что человек Георгий Бурков был несравненно более глубокий и сложноорганизован, чем образ «актера Буркова», чье появление на экране или сцене автоматически вызывало в зале радостное возбуждение.

С 1953 по 1990 год Бурков вел... назовем это дневником, хотя на самом деле его записи выходят далеко за рамки хронографии событий личной жизни и представляют собой собрание размышлений, сюжетов и заготовок так и не написанных рассказов («Дикая мысль — опубликовать сюжеты. Ибо не успеваю написать»).

Ниже помещено восемь фрагментов из этих записей. Их ценность, на мой взгляд, заключается в

том, что они, с одной стороны, расширяют наши представления о Георгии Буркове, придают плоскостному изображению объем, но с другой — совершенно самостоятельны и имеют право на существование и внимание, независимо от отношения к актерской карьере автора.

Отрывок «Вчера было воскресенье...» и особенно написанный точным и пластичным языком микрорассказ «О Петрове-Глинке, безумном музыканте», как мне кажется, позволяют предположить, что у Буркова были все основания надеяться на литературный успех; сюжет «О клопе» вводит в традиционный русско-литературный мелос бурковских записей странную кафкианскую ноту; остальные представляют собой драматическое свидетельство того, как мучительно больно было человеку, позволявшему себе роскошь смотреть на советскую реальность трезвыми глазами.

Все тексты и фотографии предоставлены специально для «РМ» вдовой артиста Татьяной Сергеевной Ухаровой.

СЕРГЕЙ ЮРОВ

31 мая 1998 года Георгию Буркову исполнилось бы 65 лет

Москва

Георгий Бурков. 50-е годы.

Или мы ведем себя, как Нобель. Всю жизнь изобретаем динамит (орудие разрушения), зарабатываем на нем бешеные деньги, а после смерти завещаем премии для поощрения людей, которые будут бороться против разрушения.

Типичная черта русского интеллигента: иметь в глубокой заначке на самый крайний случай либо самоубийство, либо разоблачительную книгу о нашей преступной жизни.

1984

***

Ах, уж эти многострадальные, трагические, вездесущие ленинградцы. Сколько их было разбросано, рассеяно войной по Сибири, Уралу...

Много их было у нас в Перми. Помню, они сразу поразили нас, пермяков, живших и до них не очень сытно, почти религиозным отношением к продуктам питания. Дело не в бережливости, а в человеческом достоинстве. И в ленинградцах той поры сохранилось удивительное свойство русской интеллигенции — страсть к просветительству.

Я вырос на опере и балете театра им. Кирова. Я знал целые оперы наизусть.

Теперь я точно знаю, что есть музыка,

Вообще весь его облик и поведение вызвали у меня жгучее любопытство.

Из актерских разговоров я узнал, что он запойный и у него «не все дома». Это не утоляло мое любопытство, а, наоборот, разжигало. Вскоре я сошелся с ним поближе. К спектаклю «Горная баллада», в котором я играл главную роль, он написал музыку. До этого он уже рекомендовал себя как лихой композитор в работе над «Погоней за счастьем». Для меня стал открываться человек исключительный.

Я узнал, что он убежал из сумасшедшего дома. Его посадили туда развратники. И вот тут-то и начинается история его непримиримой борьбы с развратом. Оказывается, он давно объявил войну развратникам всей Земле. Кого же он считал развратниками, я толком не разобрался. Но догадался, что это люди бесчестные, наглые, грязные, как в быту, так и в общественной деятельности. У них есть своя организация, тайная, разумеется. Война с ними шла на самом высоком уровне. Он готовил против них какое-то сверхсовременное оружие. Под кроватью вместе с сухарями лежала стопка толстых тетрадей, исписанных какими-то цифрами, формулами и пр. Развратники тоже не дремали. Они отравляли пищу, водку (вроде почему он сам себе готовил и покупал водку за городом), стреляли в него из пистолетов-авторучек радиопулями. И его тошнило. Он видел, что развратники разыскали его и в Березниках. Вскоре он убедился, что соседи по его комнате — лазутчики.

Они читали его тетради. Напившись, он стал выступать с обличительными речами (особенно когда лазутчики приводили баб, чтоб спровоцировать его). Его избили, он на провокацию драки не ответил. Человек он был тихий и трогательный. Писал стихи и музыку. Расска-

зал, что раньше он работал в кинотеатре тапером (озвучивал немые фильмы). Помню, как приезжали к нему жена и дочь. Он взял в театре костюм напрокат, побрился, постригся. И я увидел, что он когда-то был прекрасен и по-своему красив. Он трогательно гулял по городу с дочкой. Потом жена с дочкой уехали. Он сдал костюм в театр, снова облачился в свой серый от перхоти костюм и снова повел борьбу с развратниками. Я понял, что его улыбка — это желание скрыть постоянную напряженность.

1970

***

Сейчас у меня еще очень неясное представление о главной теме. Могу говорить о предчувствии целого, но не о конкретных характерах или сценах. Предчувствие любопытное. Идут какие-то невидимые и непонятные процессы в нашей жизни. Вдруг, например, Набережные Челны стали разрастаться в большой город, т.к. там начали строить автомобильный завод. Кизел захирел, т.к. уголь кизеловский стал не нужен. И вот эта железная закономерность в жизни городов, стран, государств часто крепко бьет по судьбам отдельных людей. Чаще всего это представители старого поколения, привыкшие к устоявшемуся укладу и ритму в жизни.

Я, например, до сих пор не могу отделаться от некоторых провинциальных черт моего характера: не люблю ездить в такси, не очень-то умею разговаривать по телефону, не умею уверенно сидеть в ресторане и т.д. Я совершенно неприспособлен к современной жизни. И отлично знаю, что существует категория людей, находящихся удовольствие в современных отношениях. Это люди другой эпохи, хотя среди них есть и мои сверстники, и люди постарше меня. У них выработана жесткая философия, они качественно отличаются от меня и подобных мне людей. Но кто из нас нужнее на Земле?

1978

***

Сюжеты. Интервью клопа. Фантастическая и непонятная (замаскированная) новелла. Неизвестно, кто задает вопросы. Но клоп ведет себя солидно, глубокомысленно, неторопливо и позволяет себе иногда шутить. Одним словом, ведет себя стандартно. И вопросы стандартные, хотя и разнообразные. Примеры:

— Каковы ваши планы на будущее?

— Ну, вообще-то планов много. Ну, хотелось бы прожить положенные 300 лет. Это трудно, конечно. Удавалось немногим. Вот, например, главный герой пьесы Маяковского. Между прочим, это лицо реальное, историческая т.е. личность. Настоящий клоп. Неистребимый. Понятное дело, все мы стараемся походить на него. Подражаем то есть. И молодежь нашу воспитываем на его примере. Сейчас собираемся широко отметить его 1000-летие. Кстати, он живой еще и т.д.

В гробнице нашего нашли — живой.

— Какую национальность больше всего любите? Какую ненавидите?

— По-разному. Я лично русских люблю. Хороший народ. И тело ровное, неволосатое. И к нам терпимо относятся. С немцами сложней. Чистюли. У нас про них шутка такая есть: доннерветтер. Восточных не люблю — волосатые и нервные. Не даются.

— Скажите, а другие паразиты вам не мешают работать?

— Да нет. Со вшами встречаемся редко. А блохи нас бояться. Смешной случай был. Я тогда командовал полком в гостинице «Метрополь». К нам в штаб (в шикарном диване) блоха случайно заскочила. Переулыгалась. А выпрыгнуть не может. Я сделал вид — так, в шутку, — что хочу ее съесть. Конечно, я не стал бы ее есть, сами понимаете. Не терплю пить кровь через чужие руки. Ну так она уж умоляла нас, упрямившаяся. Выпустили. Пускай, дескать, скачет. Она еще нам говорила, дескать, кровь в ней собачья. Знает, что мы только человечью пьем. Мы — интернационалисты. Разная кровь в нас течет. Бывает, приползает товарищ с задания, патруль кричит: «Кто ползает?» А тот ему отвечает: «Еврей». Ну, понятно, смеемся. Шутка такая у нас профессиональная.

Нужно, чтоб жлобство, тупость соседствовали с хитростью, изворотливостью и махровой демагогией.

1971

***

Меня многие родственники и знакомые, да знакомые тоже, обвиняют в том, что я никому не отвечаю на письма, на поздравления, на телефонные звонки и т.д. Обвиняют в эгоизме, в черствости, в зазнайстве, в высокомерии и черт знает еще в чем. Можно отговориться нехваткой времени, что я и делаю иной раз, можно сослаться на наш быстрый век, дескать, эпистолярный жанр отмирает почти так же быстро, как, скажем, рвутся родственные связи. Да мало ли отговорок... Но я буду неискренен в своих отговорах. Потребность писать у меня великая. Некому. И не о чем.

Я был удивлен, друг, когда увидел на твоей могиле много писем и открыток. Удивлен и потрясен.

1992

***

Мы живем отчаянно лживо, сознательно лживо. Живем как будто для того лишь, чтоб в конце, перед последним вздохом, страстно и сладостно отказать от своей лживой и грязной жизни.

На съемках фильма «Они сражались за Родину».

которая существовала в природе всегда. Она только терпеливо ждала своего музыканта. До поры она прячется в шуме дождя, прибое и т.д., потом от нетерпения переходит в язык, в человеческую речь.

1988

***

Победа в Великой Отечественной окончательно развалила русских. И, естественно, позволила большевикам держаться до сих пор. Ведь Победа дала право думать, что путь правильный: лагерь, социализм и пр. И бескультурие.

Мы выбрали «родное» рабство, рассчитывая на то, что у коммунистов оттаит сердце. Дураки! Мы ввергли себя в большую глупость и униженность. Дело еще вот в чем: война не дает повод для героизма ни с той, ни с другой стороны. Война — это грязь и убийство на самом дне сознания. Геройство создадут идеологические подонки. Выбор между двумя фашизмами. Что может быть мучительнее? Но я никогда не скажу, что выбор был сделан правильный. Раб на выбор беспособен. Такова судьба. Раба.

1989

17.06.98.

Бурков Георгий

1975

***

Вчера было воскресенье. Я возвращался от Соколова. В метро было много пьяных. Один из них, плюгавый и неприятный тип, давно уже, видимо, пристал к пожилому интеллигенту, который сидел напротив. Я застал оратора в момент подъема: «Эх, как мы пятилеточку за четыре года дали! В июне месяце — раз и готово! Для нашей родной партии, для нашего народа! Пятилеточку — за четыре! Это мы, рабочие, своими рабочими руками только можем! Рабочий класс не подведет! Вот мы какие, вот мы как умеем! А с таким портфелем разве можно пятилетку за четыре года? Куда! На нашем горбу сидите. Нос-то воротите. Стыдно. Надел шубу, портфель во какой кожаный. А пятилеточку-то мы тянули на себе. Да и отгрохали ее за четыре годочка!»

Монолог этот мог продолжаться бесконечно. Оратор, чувствуя безнаказанность свою и молчаливый страх своего подсудимого, все больше распался и готовился, видимо, уже к физической расправе. Мне показалось, что мужик этот из стучачей. И жалкий и мерзкий одновременно. Обвиняемый тоже не блистал обаянием. Добропорядочный одутловатый пожилой мешанин. Вдруг в разговор вступил подвыпивший работник с сипатым голосом: «Ты где работаешь?» — обратился он к оратору. Тот моментально откликнулся, охотно вкочил и дружелюбно направился к своему новому оппоненту: «Строим коммунизм! Пятилеточку...» Сипатый перебил его: «Я спрашиваю, где ты работаешь?» — «Ты лучше спроси, кем я работаю». — «Это после расскажешь. Где ты работаешь? Может, ты тунеядец какой-то, а оскорбляешь человека. Где работаешь?»

1970

***

О Петрове-Глинке, безумном музыканте, надо записать особо и подробно. Появился он в Березниках одновременно со мной. В очках с толстыми стеклами, с копной совершенно седых волос, с полными потрескавшимися губами, которые вечно склеивались в какую-то вялую, виловатую и загадочную улыбку, обнажавшую большие желтые зубы. Мешковатый неглаженный костюм, когда-то бывший черным, а сейчас от старости и перхоти казавшийся серым, висел на нем, как на вешалке. Брезентовые, дешевые полуботинки с кожаными носками. Он был удивительно не приспособлен к жизни. Жил он, как и я, в рабочем общежитии, но в другой комнате, с другими ребятами. Вскоре уборщицы рассказали мне, что под кроватью он копил сухари. Это их бесило — сухари портились, зацвели; развелось много тараканов, и под кроватью нельзя мыть, т.к. сухари он складывал прямо на газету. Ел он дома, готовил сам себе. Как он «готовил», нетрудно себе представить. Пил. Но водку в городе не покупал, а ездил за ней куда-то в поселок. У прилавка долго и придирчиво рассматривал сургучную головку бутылки.